

Фёдор Михайлович Достоевский

Записки из подполья

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Д70

Д70 **Достоевский Ф.М.**
Записки из подполья / Фёдор Михайлович Достоевский – М.: Lennex Corp, —
Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2026. – 126 с.

ISBN 978-5-8854-2716-6

В "Записках из подполья" Ф.М. Достоевский представляет читателю дневник безымянного чиновника, добровольно избравшего жизнь в "подполье" – в изоляции от общества и в постоянном самоанализе. Герой, мучимый собственной ничтожностью и одновременно гордыней, восстает против законов разума и логики, провозглашая ценность человеческой воли и иррациональности. Повесть состоит из двух частей: в первой герой философствует о природе человека и его месте в мире, во второй – описывает эпизоды из своей жизни, полные унижения и саморазрушения. "Записки из подполья" – это не только психологический портрет "лишнего человека", но и глубокое исследование вопросов свободы, морали, веры и смысла жизни.

126 страниц, формат А5

ISBN 978-5-8854-2716-6

© Lennex Corp, 2026
© Ф.М. Достоевский, 2026

ЗАПИСКИ ИЗ ПОДПОЛЬЯ

Фёдор Достоевский

Санкт-Петербург 2025

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ШМЕЛЕВ
ГРАЖДАНИН УКЛЕЙКИН

I

— Уклейкин идет! Уклейкин идет!..

Мальчишки бросали бабки, собирали змеи и бежали на улицу. Полицейский, кидавший в рот семечки у окна прачешной, выдвигался на мостовую. В самоварном заведении Косорылова стихал лязг, и чумазные медники высыпали к воротам. Портнихи вытягивались из окон, роняя горшки герани.

— Идет!.. Твердо идет нонеча.

Головы поворачиваются к посту.

— Ладушкин дежурит...

— А што твой Ладушкин!.. Махнет проулком... Как намердн в одной опорке-то стеганул!..

— Ужли не прорвется, а?

— Сурьезный штой-то...

Всем хочется, чтобы Уклейкин прорвался на Золотую улицу, в публику. За ним ринутся, и будет скандал.

Уклеikin начнет откалывать, прохватывать и печатать, начиная с головы и кончая подчаском. Пока захватят и погрузят на извозчика, он высыплет много кое-чего, о чем не говорят

громко, а разносят из дома в дом так, что сейчас же узнают на задворках; что казалось забытым и вдруг всплывает; что было даже одобрено про себя, но чего в открытую еще стыдятся; что шмыгнуло мимо портфелей следователя и прокурора, ловко избегло удара печатного станка и вдруг непонятным путем встряхнулось в помраченных мозгах и гулко выкатилось на улицу из сиплой глотки полупьяного сапожника.

— Чего глядите-то?.. Уклеikin, что ли-ча, идет? — спрашивают сверху портнихи.

— Мчит! Спускайтесь, Танечка!

— А ну вас... Нам и здесь хорошо.

— Им не годится середь публики в открытом виде.

— Варька-то, Варька-то расползлась! ровно как мягкая...

— Со щиколаду. Ее кажинный вечер мухинский конторщик щиколадом удовлетворяет.

Уклеikin идет решительно, высоко подымая тощие, узловатые ноги, словно выдергивает их из мостовой. Как гремучая змея хвостом, шмурыгает он опорками, подтягивая на ходу остатки порванных штанов. Испитое, зеленоватое лицо сосредоточенно-мрачно, а глаза водянисты и тусклы. Он уже потерял картуз и следит за опорками. Мальчишки веселым роем кружат и жалят.

— Жулье!.. шкалики!..

Он выдирает слова из нутра, и они падают толчками, как маленькие частые пули. Худая рука поднята и грозит пальцем, а глаза видят какую-то никому не ведомую точку.

— Уклеикину почет-уважение! Отошел?... Клади им!..

— Предались!.. Шпана!.. Дар-рмоя!

— Сыпь! Жарь! Качай их! Во-от!..

Толпа подвигается вместе с Уклейкиным к посту.

— Достигну!.. Сыщу!.. Што?.. Душ-ши!.. Брюшники!.. Манжетники, черти!.. Што-о? Пропущай!

Полицейский стоит, расставив руки, и следит за Уклейкиным, словно играет в коршуны.

— Ты лутче не шкандаль. Гуляй себе и не шкандаль!

— Пропущай!.. Слово хочу!

— Нет тебе ходу дальше!

— В-вы... так што... полицейский? Рази я допускаю, што...

Уклеикин таращит остеклевшие глаза, пытается говорить отчетливо и казаться вежливым и трезвым, и голос его играет.

— Та-ак... А п-позвольте вас спросить... Вы... госпо-дин полицейский? Пр-равильно я говорю?.. Хо-рош-шо... Вы тут постановлены... для чего? Для пор-рядков? Хо-рро-шо-о. Для порядков вы тут постановлены? Вас тут установили? Та-ак... А вы, какое такое правило, што вы... не хотите никого пропускать?.. А? Ежели я житель... и все такое... Могу я гулять по воздуху... и при публике, а? Могу я выражать, штобы...

— Вот тебе публика, и гуляй!

— А я в разные стороны хочу. Вить я житель... и все жители... А мне публику надо... пу-бли-ку!.. Шпана! Шкалики!.. Слово хочу сказать. Пропущай!

И он выпячивает грудь, накрытую затертым фартуком.

— Раз ты намерен безобразить, я чичас тебя...

— За-чем, безобразий нет... Вы не пропускаете жителей... и я... А позвольте вас спросить: тебе кто жалованье платит, а? Не-ет, ты не заслоняй... Я вот неграмотный и ничего не знаю, а вы знаете все законы... и хочу вас спросить... Вы не желаете сказать? Та-ак, хор-ро-шо. А ежели я городской

голове слово хочу сказать. Ж-жулик! Всех жителей обокрал! Шкалик!..

— В-во-от чисти-ит!.. Н-ну-у...

— В Сибирь его!

— Ты не безобразь! За такие слова тебя...

— Поволокешь? Н-на-а!.. Я го-спо-ди-ну... приставу слово хочу сказать.

— Ты до начальства не прикасайся... Ты не...

— Трешник слопал! В сапогах ходить любит... Где такое правило? Предались!

— Правильно! Он вить хочь пьян, а понимает.

— Дак ты што ж это?..

Полицейский колеблется, — взять или допустить. Но народ все свой.

— Не тревожь его, господин полицейский... пусть его!..

— Уклеikin, стих скажи! Здорово у него слажено... Вон и барышни желают.

Уклеikin оглядывается на окна. Розовые лица молоденьких портних задорно смеются.

— У-ух ты! Мамзели! Веселые барышни!.. Не намните грудки, оставьте маненько для Мишутки!..

— Ах шут эдакой, загнул!..

Взвизгивают сочные молодые голоски. Смеются все, даже полицейский. Уклеikin переменял тон, а это обещает зрелище захватывающее.

— Эх, подобью каблучки-набойки, ходи с угла до помойки!

Веселым гулом отзывается всегда сонный переулок. При-седают, хлопают Уклеикина по — Уважь еще, Уклеikin!.. Про комариков-то... Вот продернет!..

— Стой!

И-эх и блошки мои, комарики,
Не горят наши фонарики!! А отчево?
То-то! Оттово, што городская управа
Тащит налево и направо...

— Ну, пропускай!.. Правду хочу изложить.

— Налъют тебе, брат, за правду.

— А мы выльем!

И-эх и каблучки мои подметки!

И охотник я до водки!

Пью портейн я и мадер

И шинпанскую партер!

— И набирает, шут его возьми...

— Пропущай! Тебе говорят!

— Уклейкин, про полицию вали!

— Про пристава! Гы-гы-гы... Гладко у его про пристава...

Да не бойсь!

— Боюсь? Я?! Супротив хочь кого!

Полицейский тревожится, — можно ли. Но он не слышал
еще про пристава.

— Здесь можешь все, а туда не допущено.

— Прорвусь!..

— Не прорвешься.

— Достигну! Я их во как изуважу!.. Жулье!

— Ну-ка, про несчастного-то... Вклей!..

— Л-ладно... Я ему пропою... ширококрылому черту... Давай
его сюды!.. Н-ну!..

Уж и Иванов... наш пристав частный...

Ужась человек несчастный!

Страсть!..

— Во-во... как сейчас резанет... Ну-ка!

Ни попить ему, ни съесть, —

Все бы как в карман залезть...

— А то в морду слазить... Он ма-астер...

И чистит зубы ломовым,

Однако часто... и городовым!

Уклеякин щурит глаз и делает пояснительный жест.

— Ну, уж это ты... Ломовым это так, а...

Полицейский не совсем доволен.

— А Митреву-то? — возражает медник.

— Ну, дак это на пожаре... Дело горячее...

Полицейский кладет на плечо Уклеякину руку и говорит примирительно:

— Ну, вот што, Уклеякин... ступай ты теперь к Матрене и не шкандаль.

— Ты меня Матреной? Ма-тре-на!.. Тьфу!

Шкура! Понимаю я себя ай нет? Пропущай! На публику хочу!.. Н-ну!

— Не лезь, нельзя.

— Пущай! Я житель... житель я ай нет? Не можешь меня... Пу-усти!

Уклеякин напирает лицо к лицу, выпячивает грудь и откидывает голову.

— Што ж не пропускаешь-то его, в самделе... Дай ему душу-то отвести... Может он гулять-то!

— Расходись, ежели безобразить!.. Не скопляйси! Боле как троим не приказано... Н-ну-у!

А из-за толпы уже подобралась рослая, румяная баба и перехватывает Уклеякина за пиджак.

— Шкилет ты окаанный, а! Долго мытарить-то ты меня будешь, гнида ты несчастная, а?

Уклеikin сразу вянет, заслоняется рукой и бормочет:

— Не трожь... Сам, сам пойду... Ты не...

— У, несыть, кабашник! Ишь дармоеды, го-го-го! Лупоносы!

Она тащит Уклеikinа за плечо, тычет в спину, и он идет толчками, откидываясь назад и на ходу вскакивая в опорки.

— Дай ей леща! Опоркой-то по башке! Э, зеваный черт!

Все еще не расходятся: сочувствуют Уклеikinу и ругают Матрену.

— На меня б ее, печенки бы заиграли! — говорит кузнец.

— Уж и намылит она его, нашкипидарит!.. Чичас он еще в чувстве, а вот когда враспяжку, уж и лупит она его!.. Полсапожками по грудям, куда влезет.

— Баба могучая, д-д-а-а...

— Прямо клей! Все соки из его выбрала... Вот какая баба — груда!

— У ей крови много... путаная. С отцом дьяконом допрежь она все... Да вот у Власия-то на Стрижах, кудластый-то был... Стирала она у него, а он...

— М-да-а... Баба не вредная...

— Хи-хи-хи! — заливались портнихи.

— А вы не слушайте, мы тут про деликатное толкуем.

— А мы и не знаем.

— А не знаете, так спускайтесь вечером, узнаете...

Застучали медники. Застрочили машинки. Ударили к вечерням.

II

Когда случалось, в запой, попасть на Золотую улицу, Уклеikin первым делом направлялся к дому городского головы.

— Ага! Городская голова! Л-ловко! В три этажа загнул... Чисто!.. С миру по нитке — голому рубаха.

Мчался, брызгая грязью, рысак с окаменелым чудом на передке, и Уклеikin раскланивался вслед.

— Благодетели гуляют... От-лич-но!

Перед колоннадой депутатского собрания он брал картуз в обе руки, прижимал к груди и поднимал глаза к небу.

— «Дом бла-а-род-но-го дво-рян-ства»! Та-ак. Храм! Шапочку, господин, сымите.

...Отцы вы наши и родители,
Дворянские производители!..

Хохотала извозчицья биржа, а бульварчиком подкрадывался полицейский.

Участок Уклеikin обходил стороной, усаживался на уголке на тумбочку и говорил выразительно:

— Правительственный си-нод!.. Не подходи близко... Жулье!

Его тянуло сюда, как бабочку огонь, как поднятого зайца последнее логовище.

— Ежели ты у меня ешшо...

И Уклеikin летел с тумбочки, теряя опорки.

— Вдарь! Н-ну... еще! Тир-рань! М-можешь!.. И снова падал.

Одно время хотели даже выслать его из города, но вице-губернатор сказал:

— Оставьте. Скажут — деморализация власти. Приказать строго-настрого полиции не пускать его в общественные места в нетрезвом состоянии... Вот!